

ВАЛЕРИЙ ОРЛОВ:

Культура-2000-10-16авт.-с.5

Бумага как материал уникальна

В ГМИИ им. А.С. Пушкина в помещении отдела личных коллекций открыта выставка работ московского художника Валерия ОРЛОВА "Испанские впечатления". Имя Валерия Орлова хорошо известно всем, кто так или иначе включен в круг профессиональных графиков. В восьмидесятих годах он преподавал в Московском полиграфическом институте курс эстампа, считается одним из квалифицированных экспертов в области печатной графики. С середины 1980-х годов он первым в отечественной художественной практике стал работать в уникальной технике литья бумаги ручным способом. Бумажная масса оказалась тем материалом, которым художник смог описать свои впечатления о мире. На протяжении многих лет он последовательно работает в этой технике, представляя на выставках свои бумажные объекты, рельефы и книги. Персональная выставка в ГМИИ — впечатляющий итог поисков и экспериментов Валерия Орлова на пути взаимоотношений со стихией бумаги.

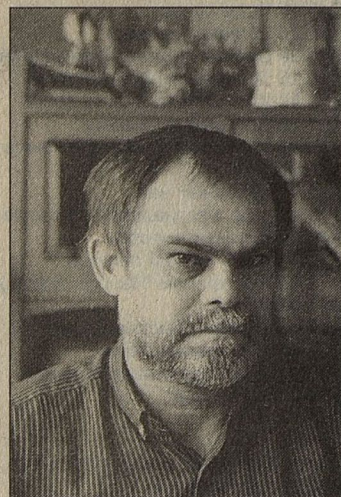
— Как случилось, что знаток и собиратель графики, один из признанных профессиональным цехом графиков мастер печатных техник начал работать в такой уникальной технике?

— Ну, во-первых, я возражаю против того, чтобы меня называли собирателем или коллекционером. Я не собираю коллекцию, просто у меня есть какое-то количество работ моих друзей, которые мне когда-то дарили. И некоторое количество японских гравюр, в которых для меня особенно ценно то, что они лишены современной автографности: между художником и зрителем существовало несколько посредников — резчик, печатник. В этих листах присутствует тот анонимный коллективный момент, которого современное искусство вообще лишено. Потому что современное искусство построено на отношении "я и общество". Современная, можно сказать, демократическая включенность в общество лишает художника его потенциала. Он становится не художником, не творцом, а этаким репродукционером.

Для меня важно избежать репродукции. Бумага оказалась для меня очень подходящим в этом

французского торшона. Как можно было на них работать? Чаще всего они лежали как реликвия и ждали какого-то особого случая. Мы с моими студентами решили попробовать делать бумагу для печати сами. Знаешь, молодые люди очень кусачие — пытаются найти у преподавателя слабое место: а можно ли сделать так, а можно ли сделать бумагу? В 1982 — 1983 году мы стали отливать с ребятами маленькие кусочки бумаги, стали сами делать пульпу — кстати, ее можно делать из чего угодно: из травы, из тряпок, из старой бумаги.

Вторая причина была внутренне-го свойства — я устал от тиражирования современной графики. В наше время искусство репродукционно, даже скульптура делается в огромном количестве отливок. Особенно это касается графики. Развитие технологий привело гравюру к репродукции, исчезли те моменты, которые ее выделяли, например, в офорте, — рельеф, форма, тональные отношения. Часто художник занимается только ремеслом. Для меня гораздо важнее увидеть в работе какие-то чувственные характеристики, когда художник показывает что-то помимо того, что он знает или

вать бумагу, существуют специальные печатные мастерские. Хочу назвать имя профессора Джейн Фармер. Вместе со студентами она предпринимает экспедиции по всему миру. Ездил специально на Тибет, по всему Востоку, собирала различные рецепты технологий изготовления и окрашивания бумаги. Так что только у нас бумага ручного отлива может показаться чем-то экзотическим.

— Обязательный для всех художников вопрос: каково твое соотношение с традициями, мог бы ты назвать какие-то направления, зоны или имена, которые были бы для тебя ключевыми?

— Персонально никого. Существует несколько зон, которые меня постоянно притягивают, — это каталонская живопись, каталонское искусство, армянская миниатюра, эфиопские внутрискальные церкви. Кстати, моя первая студенческая курсовая работа по истории искусства была о каталонской живописи, что в то время — в 60-е годы — было нонсенсом: все писали о современности. Да, еще для меня очень важна псковская иконопись. Самое интересное, самое главное для меня в искусстве — анонимность.

— Анонимность и уникальность одновременно?

— Да, можно сказать и так. Самое важное — услышать то сообщение, которое исходит от самого художника. Когда он не прячется за словом или за спиной другого художника. Все русское искусство начиная с 70-х годов болеет концептуализмом. Несколько фигур впереди, остальные — в фарватере. Это искусство лишено личного переживания. Для меня же главное — чисто эмоциональная напряженность, восторг, удивление — увидеть свежо и ново.

С другой стороны, искусство — это процесс мышления.

— Если искусство — процесс мышления, то что же сказать об искусствоведении, о рефлексии по поводу искусства?

— Закон критики — точность оценки. Конечно, могут быть ошибки — но пусть они будут остроумны и интересны. У нас многие не знают материала, о котором пишут, их кругозор ограничивает пресс-релиз. Мне, например, до боли обидно было читать статьи о Шварцмане после его первой персональной выставки в Третьяковке. Я не буду называть имен, но многие огульно и безответственно позволили себе высказаться об итоге честной и целеустремленной работы художника в течение многих десятков лет.

— Считаешь ли ты, что проблема отечественной художественной ситуации — проблема отсутствия компетентной и конструктивной критики?

— Может быть, наоборот, проблема современной ситуации — программное искусство. Искусство мыслится как проект. Кураторские выставки в какой-то мере напоминают выставки по заказу. Раньше были такие — советский спорт, космос. Художники сейчас полностью включены в социальный контекст. Соглашаются они или протестуют — неважно.

На мой взгляд, искусство не существует без чувственного восприятия и чувственного выражения. Искусство — это попытка склеить кусочки бытовой повседневности, наших мыслей и чувств в какой-то цельный образ мироздания.

Беседу вела
Анна ЧУДЕЦКАЯ

В.Орлов. Из серии "Отражения". 1997/98 гг.

смысле материалом. Но не единственным. Я занимаюсь живописью, графикой, фотографией, так что бумага — одно из средств, чтобы передать свои ощущения.

— Но все-таки остается вторая половина вопроса: когда и почему специалист по печатной графике начинает заниматься таким для нас экзотическим материалом — handmade paper? Были ли какой-то толчок, какая-то причина?

— Пожалуй, причин было две. Первая была проста: когда я преподавал в Полиграфе, хорошая бумага для печати была в дефиците. Многие помнят те времена, когда членам Союза художников по специальному списку давали пару листов

уметь делать. К середине 1980-х годов я понял, что делать гравюру не то что бессмысленно — я увидел ее границы. Я и сейчас продолжаю делать сухую иглу и акватинту, но я ее использую скорее как материал для дальнейшей работы.

Сама бумага как материал дала мне отказ от тиражируемости. Каждый лист, вылитый вручную, абсолютно уникален.

— Кстати, существует ли общепринятый термин в русском языке, соответствующий "handmade paper"?

— Это английский вариант, по-русски — бумага ручного отлива, простой и ясный термин. На Западе почти в каждом художественном колледже студентов учат самих отли-